

ЧЕЛОВЕК И МИРЪ

Когнитивное пространство. Психологический контекст

ФЕНОМЕН СЛЕПОГЛУХОТЫ. ЕЩЕ РАЗ О ЗАГОРСКОМ ЭКСПЕРИМЕНТЕ (о фактах фальсификации, ее защитниках и об актуализации проблемы)

Д.И. ДУБРОВСКИЙ

Институт философии РАН, Москва, Россия

Аннотация

В статье рассматриваются исторические и методологические аспекты «Загорского эксперимента». В конце 70-х гг. прошлого века Э.В. Ильенков, его сторонники, а также массовая пресса и официальные органы называли его «выдающимся достижением советской науки мирового уровня»: четверо слепоглухих от рождения, лишенных психики и сознания, благодаря марксистским методам воспитания, смогли окончить психологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. На этом основывалась концепция Э.В. Ильенкова о формировании личности с «психического нуля» как сугубо социального образования, в котором генетические факторы не играют никакой роли. Однако вскоре выяснилось, что все четверо утратили зрение и слух в довольно позднем возрасте, имея уже развитое сознание и сформированную речь. Более того, у двух из них были остатки зрения, а двух других остатки слуха. Эти решающие факты опровергали концепцию Э.В. Ильенкова, однако скрывались им и его сторонниками, что находило поддержку со стороны официальных органов. Во времена перестройки эта фальсификация была публично разоблачена. Тем не менее до сих пор во многих философских публикациях сторонников Э.В. Ильенкова эта фальсификация замалчивается, и Загорский эксперимент превозносится как выдающееся достижение науки. В статье критически рассматриваются эти публикации под углом анализа био-социальной проблемы, ставшей особенно острой в условиях глобального экологического кризиса. Показана несостоятельность концепции Э.В. Ильенкова, касающаяся проблем тифлосурдопедагогики. Подчеркивается, что в условиях роста технологических возможностей протезирования зрения и слуха необходима разработка новых методологи-

ческих, педагогических и психологических подходов к решению задач социальной реабилитации слепоглухих.

Ключевые слова: слепоглухота, Загорский эксперимент, формирование личности, концепция Э.В. Ильенкова, фальсификация фактов, психика, воспитание, генетические факторы, биосоциальная проблема, протезирование зрения и слуха.

Дубровский Давид Израилевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН, Москва, Россия.

ddi29@mail.ru

Цитирование: ДУБРОВСКИЙ Д.И. (2018) Феномен слепоглухоты. Еще раз о Загорском эксперименте (о фактах фальсификации, ее защитниках и об актуализации проблемы) // Философские науки. 2018. № 1. С. 89–117. DOI: 10.30727/0235-1188-2018-1-89-117.

Разработка проблем слепоглухонемоты проводилась у нас, начиная с 20-х гг. прошлого века, и связана с успехами исследований профессора А.И. Соколянского, его учеников и специалистов по тифлосурдопедагогике из Института дефектологии РАО. В обсуждении этой проблематики с конца 70-х гг. прошлого века активное участие принимали советские философы. Между ними шли острые дискуссии, которые в том или ином виде воспроизводятся и в наши дни.

Действительно, проблема слепоглухоты содержит важные социальные, философские и теоретико-методологические вопросы, которые приобретают большое значение в условиях конвергентного развития информационных технологий, биотехнологий, нанотехнологий, когнитивных технологий. Это касается, прежде всего, решения междисциплинарных задач восстановления зрения и слуха, требующих объединения усилий нейронаучных исследований с психологическими и технологическими решениями, что как раз и предполагает специальную теоретико-методологическую работу, способную стимулировать прорывные подходы к протезированию органов чувств. Мы вступили в принципиально новый этап, когда на первом плане оказываются не только исконные педагогические и социально-психологические проблемы слепоглухоты, но и технологические проблемы создания средств восстановления зрения и слуха.

Благодаря поддержке Президента России у нас сравнительно недавно создан Фонд поддержки слепоглухих «Со-единение», развернувший обширную, весьма эффективную программу деятельности. Усилиями этого фонда и ряда сотрудничающих с ним организаций 30 июня 2017 г. в России проведена первая успешная операция по восстановлению зрения у слепоглохого человека. Пробыв десятки лет во мгле, он увидел свет. Вторая такая операция была успешно произведена 4 декабря 2017 г. Деятельность Фонда впечатляет разнообразием и масштабом замечательных мероприятий, проводимых в разных регионах страны. Это действительно новый уровень комплексного подхода к проблеме и организации помощи слепоглухим. В столь многоплановой деятельности есть место и для философов социального профиля и для методологов – специалистов по теоретическим и практическим междисциплинарным проблемам современной науки. Обратимся вначале к истории участия философов в разработке проблемы слепоглухонемых и к тем давним событиям, отзвук которых дает о себе знать и сегодня.

К истории Загорского эксперимента

Философы молодого поколения, во всяком случае, многие из них, уже, наверное, не знают что в 70-х гг. прошлого века не только философская литература, но и массовая пресса трубила на всю страну о выдающемся достижении советской науки: благодаря ее марксистским методам четверо слепоглухих от рождения смогли успешно закончить психологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. По этой тематике публиковались многочисленные научные статьи, защищались философские и психологические диссертации. Столь впечатляющее достижение получило название «Загорского эксперимента» – по имени специального интерната в г. Загорске для слепоглухих детей. Главным идеологом, а во многом организатором и практическим руководителем «Загорского эксперимента» был известный философ Эвальд Васильевич Ильенков, который подвел его итоги в своей статье, опубликованной в органе ЦК КПСС журнале «Коммунист» [Ильенков 1977].

Результаты «Загорского эксперимента» были подняты на высокий идеологический уровень, поскольку они, как писалось тогда повсюду, убедительно доказали истинность марксистской теории формирования личности: все определяется исключительно социальными факторами и средствами воспитания, решающей ролью

воспитателя, вооруженного передовыми марксистскими методами формирования личности. Никакие генетические факторы, биологические особенности индивида не имеют здесь какого-либо значения. Ведь «Загорский эксперимент» ясно продемонстрировал социальную **рукотворность** самой психики: у четверых выпускников МГУ, достигших высокого уровня интеллектуального развития, не было вначале даже малейших проявлений человеческой психики. Ключевым пунктом «Загорского эксперимента» служило именно то, что все четверо были слепыми и глухими от рождения, целиком изолированными от внешней социальной действительности: формирование личности началось с «нуля», с полного отсутствия у них человеческой психики.

Приведу в подтверждение цитаты из итоговой статьи Э.В. Ильенкова: «Редко, но случается, что в руки воспитателя попадает существо, по всем биологическим показателям принадлежащее к виду “Homo Sapiens”, но **не обнаруживающее признаков человеческой психики – ни сознания, ни даже примитивных проявлений целенаправленной деятельности**. Такое существо растет – увеличивается в размерах, однако **психическое развитие так и не начинается**. Непосредственная причина этого явления – слепоглухота» [Ильенков 1977, 68–69. Курсив мой. – Д. Д.]. «Советская наука показала и доказала в данном случае, что научно организованный процесс воспитания даже при таком, казалось бы, непреодолимом препятствии, как **полное отсутствие сразу слуха и зрения**, может вывести ребенка на путь полнокровного человеческого развития и сформировать в нем не только психику вообще, но и психику самого высокого порядка... В этом сразу же убеждается каждый, кому удалось познакомиться с четырьмя удивительными людьми – Сергеем Сироткиным, Натальей Корнеевой, Александром Суворовым и Юрием Лернером» [Ильенков 1977, 69]. «А ведь они как были, так и остались физически слепоглухими и, если бы не специально разработанная наукой система воспитания, были бы **обречены на бессознательное существование** в мире мрака и безмолвия, и физического и духовного, и в прямом, и в переносном смысле сих страшных слов. В мире, где есть лишь материя, но нет духа, **нет психики, нет сознания и воли, мышления и речи**, где есть лишь примитивные органические ощущения собственного тела, его физических состояний, но нет никакого образа внешнего мира. Даже самого смутного» [Ильенков 1977, 70. Выделено мной. – Д. Д.]. «Исходное условие жесткое: **психики нет**

вообще, и “сама” она не возникает. Ее надо сделать, сформировать, воспитать» [Ильенков 1977, 71. Выделено мной. – Д. Д.]. «Исходное условие – то, что дано природой, биологией. Ничтожно мало – одни лишь простейшие органические нужды: в пище, воде да физических факторах известного диапазона. Больше ничего» [Ильенков 1977, 71].

И вот, благодаря специальным методам воспитания, основанным на марксистской теории личности, они обрели развитую психику, стали полноценными членами общества. Как можно было не восторгаться, не поддерживать всей душой это замечательное гуманистическое достижение!

Но вскоре стали выясняться противоречащие факты. Оказалось, что никто из них не был слепым и глухим от рождения. Они утратили зрение и слух в довольно позднем возрасте, когда у них уже накопился большой психический опыт восприятия мира и сформировалась развитая речь. Например, один из них – Юра Лернер – поступил в Загорский интернат в 17 лет, закончив в свое время третий класс нормальной школы. Более того, у двух из них сохранились остатки слуха, а у двух других – остатки зрения. Благодаря этому, например, Александр Суворов мог самостоятельно передвигаться по Москве, пользуясь общественным транспортом. С еще большим успехом это делал Юра Лернер, курсируя из Загорска в Москву и обратно, разъезжая сам на общественном транспорте по нужным адресам (см. его биографию, опубликованную в Википедии).

Все это круто меняло суть дела. Трудно было поверить, что здесь обычная фальсификация. Ведь Загорский эксперимент поддерживали и одобряли не только государственные и партийные органы, но и такие крупные научные авторитеты того времени как А.Н. Леонтьев, В.В. Давыдов, Н.П. Дубинин, многие известные ученые, философы, общественные деятели. Я тоже верил в это «выдающееся достижение советской науки», хотя у меня и оставались вопросы.

Мои колебания между верой и сомнением неожиданно разрешились. Я познакомился с молодой женщиной – специалистом по тифлосурдопедагогике (сотрудницей московского Института дефектологии), которая являлась не кем иным, как преподавателем знаменитой четверки. Вернее, не я с ней познакомился, а она со мной. Поводом для этого, как она сказала, послужило ее резкое несогласие с методами воспитания и идеологического руковод-

ства, которые авторитарно насаждались Э.В. Ильенковым; это касалось и сокрытия фактов действительной биографии его подопечных, особенно того, что никто из них не был слепоглухим от рождения. Она знала о моей дискуссии с Э.В. Ильенковым в журнале «Вопросы философии», разделяла мою позицию и поэтому обратилась ко мне за поддержкой (просила не называть ее фамилии, и я до сих пор выполняю эту просьбу). Она помогла мне познакомиться с подробными документальными данными Института дефектологии, касающимися обстоятельств и времени нарушений зрения и слуха у ее учеников, указала на неизвестные мне литературные источники, в которых подробно излагались их биографические данные, в том числе их искренние рассказы о себе, об остатках зрения и слуха, о своих способностях общения между собой и с друзьями.

Стало ясно, что перед нами идеологически санкционированная фальсификация. Вооружившись фактами, я стал ее разоблачать. Я был тогда профессором философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, читал лекции не только студентам, но также в Институте повышения квалификации преподавателей общественных наук и в других местах. Вопросы о слепоглухонемоте и «выдающемся достижении советской науки» были тогда чрезвычайно актуальны. Отвечая на них, я называл вещи своими именами, что производило довольно сильный эффект.

И вскоре последовало событие, которого надо было ожидать. Я о нем уже не раз писал. Но здесь, наверное, стоит повторить. Меня вызвали в партком МГУ. Партийный чиновник протянул мне лист с убористой машинописью и сказал, что я обязан ответить на это письмо. В нем сообщалось в партком, что Дубровский и его сторонники порочат выдающееся достижение отечественной науки, обливают грязью светлые имена Ильенкова и Леонтьева, льют воду на мельницу буржуазной философии и т.д. и т.п. Подписи нет. Я сказал, что на анонимку отвечать не буду. Возвращая чиновнику этот листок, я заметил, что под ним есть еще один. Развернул его и вижу бланк журнала «Коммунист» и такой текст: «Посылаем письмо по поводу профессора Дубровского. Оно дает повод для серьезных размышлений и выводов. Зав. отделом, доктор философских наук Г. Волков». Прочтя это, я сказал, что в таком случае готов дать ответ и написал, что советская наука не нуждается в приписках и фальсификациях и что я считаю своим долгом разоблачать эту фальсификацию везде, где буду иметь такую возможность.

Прошло месяца два и журнал «Коммунист» дал по мне залп из тяжелой артиллерии. Критика в мой адрес (как потом выяснилось) была составлена сотрудниками журнала «Коммунист» и вмонтирована в статью академика Н.П. Дубинина, который не возражал, так как громил своих коллег-генетиков, особенно академика Б.Л. Астаурова и проф. В.П. Эфроимсона за «биологизацию» социальных явлений. Он цитировал указанную выше, опубликованную в «Коммунисте», статью Э.В. Ильенкова и ссылаясь в качестве аргумента на результаты воспитания детей «слепых и глухих от рождения» [Дубинин 1980, 64].

Что касается меня, то после цитат из моей книги [Дубровский 1971] и ряда других публикаций в статье говорилось: Дубровский «в своих софистических рассуждениях, отталкиваясь от биологизации социального, соскальзывает в плоскость проблем, имеющих уже отнюдь не естественнонаучный, но общественно-политический аспект» [Дубинин 1980, 72]. Провозглашая возможность расшифровки мозговых кодов психических явлений, он заявляет «претензию на рекомендации с совершенно чуждых нам научных и идеологических позиций» [Дубинин 1980, 73], игнорирует «азбучные истины исторического материализма» [Дубинин 1980, 73]. И завершающий аккорд: «Тут налицо открытая ревизия марксистско-ленинского понимания сознания» [Дубинин 1980, 73].

Философы старшего поколения хорошо знают, что означали тогда такие аттестации. А ведь я тогда был членом редколлегии и заведующим отделом диалектического материализма, логики и философских вопросов естествознания журнала «Философские науки». Меня не выгнали из МГУ и из журнала только благодаря энергичному заступничеству главного редактора журнала «Философские науки» Владимира Спиридоновича Готта, у которого были большие связи в высших сферах ЦК КПСС. Однако поставленное на мне «Коммунистом» клеймо «ревизионизма» и, значит, «неблагонадежности», еще долго давало знать о себе в моих социальных и философских коммуникациях, особенно когда дело касалось обсуждения Загорского эксперимента и концепции Э.В. Ильенкова.

Кое-что о давней дискуссии с Э.В. Ильенковым. Биосоциальная проблема

Нетрудно увидеть, что полемика со сторонниками Э.В. Ильенкова по вопросам «выдающегося достижения советской науки» явилась по существу продолжением дискуссии, начавшейся

между мной и Э.В. Ильенковым почти 50 лет тому назад в журнале «Вопросы философии» [см.: Дубровский 1968; Ильенков 1968]. В центре дискуссии стояли два главных вопроса. Я резко критиковал Ф.Т. Михайлова и Э.В. Ильенкова за отрицание ими психофизиологической проблемы (которую они считали пережитком позитивизма, а меня, соответственно, «позитивистом»). Но более важным был второй вопрос. Э.В. Ильенков категорически утверждал, что формирование личности зависит исключительно от социальных условий и средств. Я же настаивал на том, что в этом процессе существенную роль играют также и генетические факторы, которые необходимо учитывать в решении проблем воспитания и образования. При этом, ни в коей мере не умаляя роли социальных факторов, я подчеркивал необходимость глубокого анализа биосоциальных взаимозависимостей в развитии социума и личности. Мои же оппоненты изображали дело так, будто я пытаюсь подменить социальное качество биологическим и называли меня «биологизатором» позитивистского толка.

Ко времени дискуссии было накоплено огромное число научно обоснованных данных о существенной роли генетических факторов в формировании характера, темперамента, способностей и других свойств личности. Еще за несколько лет до дискуссии была присуждена Нобелевская премия за открытие генетического кода, опубликованы многочисленные работы о поразительных сходствах психики у однояйцевых близнецов, разлученных сразу после рождения и воспитывавшихся в совершенно разных социальных условиях; было известно множество других убедительных свидетельств такого рода. Но мои оппоненты высокомерно игнорировали эти несомненные факты, предпочитая оставаться на «высоте» положений исторического материализма. Они занимали крайнюю социологизаторскую позицию в истолковании биосоциальной проблематики, ставшей уже в то время высоко актуальной, жизненно важной для понимания развития нашей цивилизации. Уже тогда ясно обозначились некоторые существенные черты глобального экологического кризиса, который в последующие годы продолжал неуклонно углубляться и поставил под угрозу само существование социума. На этом фоне очевидна несостоятельность, более того – опасность радикальных социологизаторских установок, столь характерных для Э.В. Ильенкова и его сторонников.

Большинство участников дискуссии, опубликовавших статьи в журнале «Вопросы философии» в 1969 г., однозначно поддержали

мою позицию. В течение последующих десятилетий эту дискуссию довольно часто вспоминали, более того публиковались специально посвященные ей статьи. Их авторами были, как правило, сторонники Э.В. Ильенкова, которые продолжали критиковать меня в том же духе. Я не отвечал на эту критику, так как считал, что уже ответил на нее в заключительной статье, написанной по итогам дискуссии [Дубровский 1969]. Как правило, я не читал эти статьи, так как примерно знал, что там будет написано. Но иногда просматривал и убеждался, что мои оппоненты ничего нового не сообщают. Все те же вопросы о сущности идеального, те же абстрактные клише, оторванные от новых реалий социальной жизни и достижений науки, те же восклицания о несостоятельности моей концепции субъективной реальности и безусловной правоте Э.В. Ильенкова. Уже в новом веке вышла, наверное, пара десятков публикаций на эту тему.

Остановлюсь лишь на одной из них [Плеханов 2007], поскольку ее автор, несмотря на предубеждение о безусловной правоте ильенковской позиции, тем не менее, довольно подробно и во многом адекватно излагает материалы дискуссии, подчеркивая ее большое значение для развития отечественной философской мысли. Он говорит даже о ее «классическом значении» (в чем я очень сильно сомневаюсь). В ней даже отмечаются некоторые положительные моменты моей концепции, но критика ведется по тем же пунктам: отрицается роль генетических факторов в формировании личности и общественной жизни, моя концепция субъективной реальности изображается таким образом, что она якобы способствует оправданию субъективизма и индивидуализма. Автор пишет, что она стала особенно востребованной с началом перестройки, «на волне расправы с социализмом» и утверждения «технократической идеологии», «пресловутого представления, что человек это кибернетическое существо» и т.п. Более того, она якобы способствовала разгулу иррационализма, появлению во времена перестройки множества экстрасенсов, колдунов, ясновидцев, лжецелителей, астрологов, продолжающих размножаться по сей день: «Именно они, в полном соответствии с программой Дубровского, успешно обнаруживали “инварианты субъективных реальностей”»: в гороскопах, психотипах, архетипах, темпераментах и т.д. и т.п.» [Плеханов 2007, 153–162].

Тут у Плеханова явно разыграли эмоции; и он, как и многие сторонники Ильенкова, не удержался от того, чтобы приписать

оппоненту нечто явно «зловредное» и тем самым сразу «уничтожить» его. В таком случае я бы мог с еще большим основанием утверждать, что концепция Э.В. Ильенкова способствовала упрочению марксистских идеологических догм, особенно в области «коммунистического воспитания», созидания «нового человека», беспрекословно послушного «Педагогу», воле партии и начальства.

Мои оппоненты, а часто и сторонники, «не замечали» того главного обстоятельства, что развивавшаяся мной концепция идеального как субъективной реальности, имела задачей реабилитацию проблемы индивидуального сознания как философской проблемы. Ведь Э.В. Ильенков и его сторонники считали проблему индивидуального сознания психологической, а не философской, и вместе с этим исключали из философии многие важнейшие проблемы, в том числе столь актуальную для человека и общества экзистенциальную проблематику. С их позиции, все определялось общественным сознанием в его марксистском истолковании, и к этому сводилась философская проблема сознания. Мои оппоненты, наверное, уже забыли, что в советские времена индивидуальное сознание жестко контролировалось и ограничивалось рамками официальной идеологии – основой советского общественного сознания. Попробовали бы вы публично говорить что-то такое, что хотя бы в чем-то расходилось с марксистской идеологией или даже с какими-то положениями, которые санкционированы партийными органами. Это можно было позволять себе только в разговорах на кухне. Я уже приводил пример, когда попытка разоблачения фальсификации в Загорском эксперименте жестко пресекалась. Но то были уже «мягкие» времена: могли уволить с работы, а особенно строптивых устроить в психиатрическую больницу. Но ведь нам памятли времена, когда даже за такое сравнительно мелкое инакомыслие не просто сажали, а расстреливали.

Через 10 лет разоблачение, наконец, состоялось?

Но не будем спешить...

В период перестройки все эти идеологические запреты были сняты, и можно было, наконец, говорить правду. В начале 1987 г. я создал при Философском обществе СССР секцию «Проблемы психорегуляции и резервных возможностей человека», в состав которой вошли ведущие философы, психологи, нейрофизиологи, психиатры и даже физики; главная задача секции состояла в

борьбе против лженаучных поветрий, охвативших тогда страну. Секция провела в Институте философии представительную конференцию (присутствовало более 300 человек), предметом которой было обсуждение телевизионной деятельности Кашпировского, «лечившего» тогда с экрана всю страну. Именно она сыграла решающую роль в запрете этой противоправной, опасной деятельности, имевшей для доверчивых людей немало тяжких последствий.

Вскоре наша секция организовала и провела вторую научную конференцию, специально посвященную проблеме слепоглухонемоты. В ней приняли участие и выступали директор НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР А.М. Матюшкин, директор Института дефектологии АПН СССР В.И. Лубовский, главный редактор «Психологического журнала» А.В. Брушлинский, крупные специалисты по тифлосурдопедагогике, ряд ведущих психологов и философов. Были приглашены и приняли участие в обсуждении также сторонники Э.В. Ильенкова (проф. С.Н. Мареев и др.). С основным докладом на конференции выступили С.А. Сироткин (один из знаменитой четверки слепоглухих, ставший к тому времени заведующим сектором социальной реабилитации слепоглухих Всесоюзного общества слепых) и кандидат философских наук Э.К. Шакинова (известный специалист в области изучения слепоглухоты). В докладе подробно рассматривались философские и методологические вопросы тифлосурдологии, отмечались недостатки концепции Соколянского-Мещерякова и, что особенно важно, резкой критике подвергались установки Ильенкова, отрицавшие роль генетических факторов в формировании личности. Вместе с этим, как в самом докладе, так и в большинстве выступлений были решительно раскрыты все подробности фальсификаций и махинаций, связанных с историей и методами воспитания слепоглухих, показана и неприглядная роль в этом Э.В. Ильенкова. Материалы конференции были опубликованы в виде книги [Слепоглухонемота 1989].

Казалось бы, правда, наконец, восторжествовала. Надо пересмотреть сложившиеся в прошлые годы философские истолкования и оценки Загорского эксперимента, отбросить идеологические наслоения и продолжить научную разработку этой сложной проблемы. Однако для сторонников Э.В. Ильенкова этой книги, в которой столь подробно и доказательно изложено реальное положение дел, как бы не существует. Они по-прежнему продолжают

воспроизводить фальсифицированную версию о «выдающемся достижении советской науки», которое якобы доказало несостоятельность «биологизаторских» подходов к формированию личности и, конечно же, концепции субъективной реальности Дубровского.

Со времени выхода этой книги прошло 30 лет, и можно было бы не возвращаться к старому. Но ведь проблема слепоглухоты продолжает оставаться предметом обсуждения, к ней то и дело возвращается широкая пресса. Сейчас к этой проблеме привлечено общественное внимание плодотворной деятельностью Фонда поддержки слепоглухих «Со-единение». К этой теме постоянно возвращаются сторонники Э.В. Ильенкова. Они весьма активны, энергичны, преподают философию во многих высших учебных заведениях, успешно формируют общественное мнение, особенно у студентов и молодых философов, далеких от событий философской жизни 70-х гг. прошлого века.

В последние годы проблема слепоглухоты не раз обсуждалась в наших ведущих философских журналах. Сравнительно недавно в «Вопросах философии» можно было прочесть статью, в которой метод «совместно-разделенной предметной деятельности», используемый в Загорском эксперименте, рассматривается как главное средство «воспитания души, сознания и личности»; и в этой связи автором превозносятся «А.И. Мещеряков и Э.В. Ильенков, сотворившие развитую форму личностного бытия у детей, лишенных слуха и зрения» [Лобастов 2015, 90].

В том же журнале опубликованы две статьи давнего сторонника Э.В. Ильенкова Д. Бэкхерста, который проводит во многом надуманную альтернативу «церебрализма» и «персонализма» в изучении психической деятельности, стремясь показать правоту Ильенкова в давней дискуссии со мной по психофизиологической проблеме. «Церебрализм», по словам Бэкхерста, это концепция, согласно которой «психические характеристики можно на законном основании приписывать мозгу», что в корне неверно; они должны приписываться только личности, ибо «представляют собой аспекты ее способа взаимодействия с миром» [Бэкхерст 2013, 50]. Такова суть концепции «персонализма», которая, как подчеркивает Бэкхерст, справедливо и дальновидно отстаивалась Ильенковым.

Но ведь «церебралисты» ни в коей мере не отрицают правомерности тезиса о личности как о субъекте психической

деятельности. В чем же здесь альтернатива? Бэкхерст, видимо, просто не компетентен в вопросе о характере связи психических явлений с мозговыми процессами и не отдает себе отчета, что прежде чем рассуждать в наше время о «церебрализме» и «персонализме», нужно вначале четко осмыслить и определить эту связь. Скажем, Бэкхерст сейчас увидел лицо знакомой ему женщины. Этот переживаемый им психический образ (как свидетельствует нейронаука) необходимо воплощен в соответствующей нейродинамической системе его мозга и существует для Бэкхерста пока функционирует данная нейродинамическая система. Почему же это психическое явление нельзя приписывать мозгу Бэкхерста, в такой же мере, как и его личности? Вот интересный пример, на котором он поясняет, где именно находится мысль: «Местонахождения мыслей личности – не “в” ее мозгу, но там, где эта личность находится (например, в библиотеке или в пабе)» [Бэкхерст 2010, 93]. «Мышление, – продолжает он, – есть движение сквозь мир, навигация в реальности с учетом разумных соображений» [Бэкхерст 2010, 93]. Пусть будет «навигация», но ведь она тоже есть деятельность мозга, и она продуктивно изучается нейронаукой, особенно таким ее направлением, которое называется «Чтением мозга». Д. Бэкхерст целиком повторяет образ мысли «персоналиста» Э.В. Ильенкова, посвящает многие страницы статьи защите его позиции, подчеркивает его правоту в дискуссии со мной о психике и мозге. Понятно, почему он в свое время активно поддерживал официальную версию («каноническую» версию, как ее называют) Загорского эксперимента. Основательная критика «ментализма», включая тот смысл, который ему придавали Ильенков и Бэкхерст, содержится в книге [Губанов, Губанов, 2016] и особенно в статье [Губанов, Губанов, 2017].

Журнал «Вопросы философии» также опубликовал две большие статьи Ю.В. Пущаева, специально посвященные «истории и теории Загорского эксперимента». Они заслуживают подробного рассмотрения, и я уделю этому внимание позже. А сейчас остановимся на, пожалуй, самом интересном.

«Ильенковские чтения»

Эти чтения систематически, много лет проводятся в виде конференций и содержат обширные материалы по обсуждаемой тематике. Честно говоря, я не следил за этими конференциями,

несколько раз бегло просматривал отдельные доклады, не находя там для себя чего-либо существенного. Но вот последние, 18-е Ильенковские чтения, материалы которых были изданы в 2016 г., я прочел самым внимательным образом [Чтения 2016]. На этих Чтениях были, конечно, все «свои». Никаких, даже малейших критических замечаний в адрес положений Э.В. Ильенкова не было и в помине. Только одобрительные, возвышенные оценки. Весь сборник материалов, объемом в 290 страниц, можно было бы озаглавить по названию статьи одного из авторов – И.Б. Хидиятова «Ильенков – камертон современности для философской мысли» [Чтения 2016, 216].

Большинство докладов выдержано в марксистском ключе, посвящено все той же проблеме идеального, вопросам диалектической логики, формирования личности, задачам образования и воспитания. И, конечно же, не забыта наша с Ильенковым дискуссия. Мне достается при этом по полной программе. По словам В.А. Рыбина, в дискуссии со мной «победа Ильенкова выглядела безусловной» [Чтения 2016, 100]. И сейчас «Дубровский эксплицирует те установки биологического редукционизма, которых он придерживался и прежде и которые на тот момент, почти 50 лет назад, казалось, окончательно были опрокинуты Ильенковым в их споре о соотношении биологического и социального в человеке, особенно имея в виду результаты Загорского эксперимента» [Чтения 2016, 101]. Обратите внимание, автор не знает или не хочет знать о фальсификации этих результатов, для него Загорский эксперимент остается главным аргументом против позиции Дубровского. Обыгрывая используемое мной понятие «антропотехнологической эволюции», Рыбин заявляет, что моя концепция «ведет к модели “покруче” миров Хаксли, Оруэлла, Замятина» [Чтения 2016, 100]. Большая часть критики в мой адрес относится к концепции идеального как субъективной реальности. Р.Р. Вахитов считает, что в моих взглядах выражается «вульгарный материализм» [Чтения 2016, 3] и что критика Э.В. Ильенковым моей концепции – «это критика новой исторической формы философской софистики» [Чтения 2016, 52]. Именно Э.В. Ильенков понял, что в ней заложена «тенденция к философскому релятивизму, скрытая в трактовке идеального по Дубровскому» [Чтения 2016, 52]. Общая же оценка Вахитова такова: «Дубровский и его сторонники... создали некий абрис современной криптопозитивистской софистической гносеологии... в рамках которой все

идеалы и ценности латентно сводились к текучим, мимолетным и субъективным психическим феноменам» [Чтения 2016, 53].

При этом у моих критиков – только одни декларации, ни одного аргумента, ни одной сноски на определенные положения в моих работах. Как будто не было моей монографии «Проблема идеального» [Дубровский 1983], кстати, первой книги в нашей философской литературе по этой проблеме. В этой монографии подробно анализировались все ее основные аспекты, в том числе проблема индивидуального и общественного сознания, их соотношение, роль социокультурных структур и коммуникаций, соотношение понятий идеального и психического, идеального и деятельной активности, идеального и идеала. Не существовало для участников «Ильенковских чтений» и второго, дополненного издания этой книги [Дубровский 2002], а также доброго десятка моих статей в главных наших философских журналах по различным аспектам проблемы идеального. То же самое, что и с книгой о слепоглухонемоте, разоблачающей фальсификации Э.В. Ильенкова. Этого не хотят видеть и, значит, этого не существует. Хорошо известный феномен ментальной слепоты и глухоты для немалого числа философских дискуссий (можно считать его своеобразным аспектом проблемы слепоглухонемоты).

Во всех материалах «Чтений», где речь идет о Загорском эксперименте, по-прежнему утверждается, что все четверо были тотальными слепоглухими от рождения. Вот что пишет М.С. Готовкина: «Э.В. Ильенков называет поступающих в Загорский интернат слепоглухонемых детей “человекообразными растениями, лишенными психики”... так как слепоглухота начисто перерезает все обычные каналы общения мозга с миром человеческой культуры» [Чтения 2016, 135]. И далее: «Э.В. Ильенковым было доказано на практике: дети, страдающие слепоглухотой от рождения, способны овладевать не только специфическими навыками человеческой деятельности, но и могут проявлять достаточно высокие умственные способности» [Чтения 2016, 136]. М.В. Загоруйко подчеркивает, что Загорский эксперимент проводился со слепоглухими детьми, «не имевшими практически никакого контакта с внешним миром» [Чтения 2016, 139]. «Удачное окончание эксперимента подтвердило практикой теорию о трудовом происхождении человека» [Чтения 2016, 139]. Подобные суждения о Загорском эксперименте, на таком же «теоретическом» уровне,

демонстрируют К.М. Лауфер [Чтения 2016, 96–99], А.Е. Мальчиков [Чтения 2016, 127–130] и др.

Что же получается? Одно из двух: либо здесь мы тоже имеем дело с прямой фальсификацией, либо перед нами проявление невежества, нарушение элементарных условий профессиональной деятельности. А ведь эти докладчики преподают философию в высших учебных заведениях, учат молодежь.

Загорский эксперимент и принципы марксизма. О «рукотворстве» человеческой психики, о генетических факторах, «позитивизме» и «биологизме»

Обратимся теперь к названным выше статьям Ю.В. Пущаева. В первой из них подробно излагается история изучения проблемы слепоглухоноты, представленная в мировой литературе, и на этом фоне рассматривается история Загорского эксперимента. В аннотации прямо говорится, что этот эксперимент «рядом философов и психологов трактовался как имеющий фундаментальное значение, поскольку он раскрывает, как они считали, тайну рождения человеческой личности» [Пущаев 2013а, 132]. По словам Ю.В. Пущаева, четверо слепоглухонемых, тогда еще студентов МГУ, для Ф.Т. Михайлова, как он выразился, «предстали живым ответом на вопрос о загадке человеческого Я» [Пущаев 2013а, 133]. «Советские психологи, педагоги, и философы, вознесшие Загорский эксперимент на беспримерную высоту, утверждали, что на примере воспитания и обучения слепоглухих детей впервые ни много ни мало экспериментально продемонстрировано, «откуда берется ум», строго научно и окончательно подтверждено марксистское понимание человеческой личности, тайны ее возникновения и сущности» [Пущаев 2013а, 133].

Автор, разумеется, не разделяет столь возвышенные оценки, стремится реалистично подойти к рассмотрению ситуации с Загорским экспериментом и его результатов. Он прямо говорит: «Загорский эксперимент проводился во многом из идеологических побуждений» [Пущаев 2013, 138], – и признает, что Ильенков и его сторонники замалчивали ключевой факт, что никто из четверых участников Загорского эксперимента не был слепым и глухим от рождения. Но то, что они закончили психологический факультет МГУ было действительно большим достижением, большой заслугой работы с ними тифлосурдопедагогов. Это, конечно, не подлежит сомнению. Ю.В. Пущаева беспокоит вопрос: справедливо ли об-

винять Э.В. Ильенкова в фальсификации (этот вопрос подробно обсуждается во второй статье).

Ю.В. Пущаев подробно анализирует смысл и задачи Загорского эксперимента и разные значения в его названии самого термина «эксперимент». По его словам, «самый амбициозный смысл термина «эксперимент» в данном контексте состоял в том, что Ильенков и Мещеряков придали этому термину уже философское, а именно универсальное и фундаментальное значение. Этот, казалось бы, особый случай, касающийся лишь узкой дефектологической проблемы, по Ильенкову, *научно* открывает главную тайну мироздания: показывает, как вообще возникает человеческая психика, т.е. как возникает сама человеческая личность во всей ее многосложности и многосторонности» [Пущаев 2013а, 138]. Автор рассматривает спор о том, что является главным фактором «очеловечения» слепоглохого ребенка: «совместно-разделенная деятельность» или обучение языку. Сторонники «канонической» версии Загорского эксперимента (Ильенков, Мещеряков и др.) были убеждены, что не обучение языку, а именно обучение элементарным навыкам практической деятельности (взятие ложки, вожделение рукой ребенка при простейших действиях с предметом и т.п.) позволяет сделать первые шаги в развитии психики; формирование речи – производная задача. Такой подход – якобы правильный, потому что соответствует марксистскому пониманию решающей роли практики.

«Почему вообще слепоглухота, обучение слепоглохих детей были так важны для Ильенкова? – спрашивает Ю.В. Пущаев. – Почему он, с позволения сказать, так ухватился за тему Загорского эксперимента? Для него как философа-марксиста непререкаемой истинностью обладали идеи, что труд создал человека, что практика – основа человеческого общества» [Пущаев 2013а, 141]. Отсюда же и главный тезис концепции Э.В. Ильенкова о решающей роли воспитания и воспитателя, как *«рукотворца»* человеческой души. Если в обычных условиях нельзя устранить факторы «педагогической стихии» (результаты общения ребенка с другими детьми и взрослыми), то в случае слепоглохого ребенка «все условия и факторы формирования психики можно строго зафиксировать и поставить под контроль. За все в ответе ты один – педагог-воспитатель. Само собой тут ничего не возникает и не разовьется. Таковы условия задачи» [Ильенков 1991, 33]. Здесь, конечно исключается влияние биологических факторов,

пресекаются влияния «чуждых» педагогических воздействий, все определяется исключительно социальными факторами, наставлениями идеологически зрелого педагога, руководителя (решениями партии и правительства?). Знакомая ситуация!

Со всеми оценками и интерпретациями концепции Э.В. Ильенкова, которые были приведены Ю.В. Пущаевым выше, я согласен. Они носят критический характер и показывают, как в угоду марксистским идеологическим догмам фабрикуются «нужные» концепции. Ю.В. Пущаев справедливо отмечает, что критика «канонической версии» Загорского эксперимента, высказанная на Конференции 1988 г. и зафиксированная в ее опубликованных материалах [Слепоглухонемота 1989], явилась продолжением дискуссии между мной и Э.В. Ильенковым (и нашими сторонниками), которая началась за 20 лет до этого. Но изложение этой дискуссии автором вызывает у меня ряд существенных возражений. Он пишет, например, будто я «доказывал, что в формировании личности решающую роль играют генетические и биологические особенности ее мозговых структур» [Пущаев 2013а, 143]. Я этого нигде и никогда не доказывал, а утверждал лишь то, что эти факторы играют существенную роль в формировании личности и их нужно учитывать в решении вопросов образования и воспитания. Тезис о «решающей роли» явный нонсенс, ибо означает отрицание или крайнее принижение ведущей роли социальных факторов, т.е. отрицание столь очевидного, всем понятного, важнейшего значения воспитания и образования.

Но кто сегодня может отрицать необходимость учета генетических факторов в формировании личности? Это давно стало общим местом. Но именно это я доказывал в 1968 г., хотя уже тогда и еще на десятки лет раньше, это было доказано наукой. Мои критики всегда «передергивали» карту, подменяя «существенную роль» «решающей ролью». И одним махом «уничтожали» своего оппонента. Странно, что этого не заметил Ю.В. Пущаев. Далее он продолжает: «Стоит отметить, что помимо довольно стандартного позитивизма (утверждение о том, что особенности нейродинамической системы мозга можно адекватно перевести на язык индивидуальных психологических различий), Дубровским отчасти двигал пафос защиты индивидуальности от определяющего влияния социальной среды, не полной податливости социальным факторам. Высказанные Дубровским мысли можно было истолковать и в пользу того, что в человеке есть некий

неустранимый остаток, который является своего рода гарантией неподвластности личности внешним социальным влияниям. Правда, это неустранимое личностное ядро Дубровский, в свою очередь, истолковывал в биологическом, позитивистском духе, локализуя его в физиологических характеристиках головного мозга» [Пущаев 2013а, 143]. Поэтому, заключает Пущаев, Ильенков был прав, когда упрекал Дубровского в биологическом детерминизме, неприемлемом с нравственных позиций.

Прошу прощения у читателя за столь длинную цитату. Но в ней содержатся принципиальные вопросы, на которые нужно дать ответ. Вначале о «стандартном позитивизме», «биологическом, позитивистском духе». Как и Ильенков, Пущаев называет «позитивизмом» такие подходы к сознанию, психике, личности, когда некоторые их свойства объясняются с позиций науки. Но ведь не только философия, но и наука изучают психику, сознание, личность, и она накопила в этом отношении весьма значительные знания. Почему же налагается запрет, например, на объяснение ряда свойств сознания с позиций нейробиологии или психиатрии или даже генетики. Такие объяснения могут существенно корректировать абстрактные и замшелые философские клише, которыми привычно оперируют некоторые мои оппоненты. Пущаеву, поскольку он все же далек от изучения современной нейронауки и психоневрологии, наверное просто не известно, что исследования в этих дисциплинах позволяют «адекватно перевести» некоторые нейродинамические системы мозга на психологический язык (достаточно ознакомиться с соответствующими результатами нейронауки или с замечательными исследованиями В. Рамачандрана [Рамачандран 2014]. Генетика тоже накопила весьма существенные данные о влиянии на формирование нравственных свойств личности – моим оппонентам достаточно познакомиться хотя бы с книгой выдающегося отечественного генетика В.П. Эфроимсона [Эфроимсон 2004].

Но я не буду дальше заниматься ликбезом, скажу лишь о том, что отрыв философии от науки нередко ведет к явной схоластике. Правда, изучать науку, следить за ее развитием – дело трудное. Гораздо проще использовать вместо основательной аргументации бирку «позитивизм» в уничижительном значении этого слова. Кстати, презрительно говоря о позитивизме как способе объяснения сознания и личности с позиций данных науки, Ильенков сам грешит позитивизмом. Как заметил Пущаев по поводу истолкова-

ния роли Загорского эксперимента, «Ильенков в каком-то смысле занял тут позитивистские позиции, поскольку стал считать, что научный эксперимент может разрешить тайны человеческой личности» [Пуцаев 2013а, 144]. Интересно, не правда ли?

В отношении моей позиции Пуцаев тоже верно подметил, что при акцентировании роли биологических факторов мною «двигал пафос защиты индивидуальности от определяющего влияния социальной среды». Надо было уточнить «от влияния негативных факторов», «неприемлемых факторов» социальной среды. В каждом из нас действительно есть «неустранимое личностное ядро», которое определяется в своей основе генетическими факторами, задающими неповторимость индивида, его сопротивляемость определенным социальным воздействиям, в том числе воспитательного характера. Над этим «ядром» надстраиваются и укрепляют его (или в известной мере разрушают его) социально значимые ценностно-смысловые диспозициональные структуры, которые определяют основные свойства личности, ее ведущие деятельно-волевые интенции. В нашем человеческом высокомерии мы иногда забываем, что биологическое первично, а социальное вторично, производно от биологической самоорганизации, накопившей за многие сотни миллионов лет эволюции колоссальный *информационный опыт* самоорганизации, на фоне которого опыт социальной самоорганизации выглядит, мягко выражаясь, не в лучшем свете.

Оценивая нашу с Ильенковым дискуссию, Пуцаев далек от того, чтобы выступать апологетом концепции Ильенкова. Он видит ее недостатки, отмечает даже ряд положительных сторон моей концепции, готов согласиться, что «социальное» не является на 100% социальным «продуктом», что «никакое социальное влияние или воспитание не всесильно» [Пуцаев 2013а, 143–144]. Но вот его упреки в «позитивизме» неуместны и могут быть обращены и в его сторону, поскольку он тоже ссылается на научные данные, когда рассматривает философские оценки психики и личности.

После дискуссии с Ильенковым, как считает Пуцаев, у меня со временем дела пошли лучше, стал убавляться «позитивизм»: «Позже Дубровский несколько отошел от своего естественно-научного позитивизма и стал толковать идеальное (основная тема его многолетнего спора с Ильенковым) как субъективную реальность» [Пуцаев 2013а, 143]. Вот здесь Пуцаев сильно ошибается. Не «позже», а уже в статье, открывшей дискуссию с Ильенковым

и Михайловым, я исхожу из понимания идеального как субъективной реальности [Дубровский 1968, 126].

Концепцию идеального как субъективной реальности я развивал со середины 60-х гг.; это отражено в ряде статей тех лет и наиболее полно в докторской диссертации; кратко же – в ее автореферате, изданном накануне дискуссии с Ильенковым. Кстати, из-за нее мне пришлось защищать докторскую диссертацию трижды! Вскоре после защиты диссертация была опубликована в виде монографии [Дубровский 1971]. Пущаев может легко обнаружить свою ошибку, поскольку эта старая книга легко доступна – выставлена на моем сайте www.dubrovsky.dialog21.ru.

«Ошибка» Э.В. Ильенкова... а не «фальсификация»?

Перейдем теперь ко второй статье Ю.В. Пущаева, поставившей задачей доказать, что в концепции Э.В. Ильенкова не было сознательной фальсификации. «Мы думаем, – заявляет он, – что вряд ли люди масштаба Ильенкова способны опуститься до прямого обмана» [Пущаев 2013б, 125]. Тут, продолжает он, если и была «вина», то не было «злого умысла» [Пущаев 2013б, 125]. Действительно, умысел был «добрый» и «возвышенный» – доказать непреклонную истинность марксистского понимания формирования личности. Именно этот «добрый» умысел, как подробно пишет далее Пущаев, послужил причиной сокрытия ключевых фактов, опровергающих на корню Загорский эксперимент. Автор изобретательно ведет свою линию защиты, постулирует принцип «презумпции невиновности», поскольку, как он считает, «прямых доказательств того, что Ильенков сознательно лгал, нет», и пытается выступать, как он говорит о себе, «отчасти» в роли «адвоката дьявола». Во-первых, говорит он, в книге А.И. Мещерякова «Слепоглухие дети» эти факты были опубликованы. Далее речь ведется о том, что сторонники «канонической» версии считали, что можно приравнять тотальную слепоту и глухоту от рождения к утрате зрения и слуха в раннем детском возрасте. Поэтому, мол, не столь важно было специально и подробно говорить о том, что участники Загорского эксперимента не были слепыми и глухими от рождения. Однако хорошо известно (в том числе, конечно, и Ильенкову), что они утратили зрение и слух не в раннем детском возрасте, а тогда, когда у них уже был накоплен значительный сознательный опыт и сформировалась речь. Кроме того, тифлосурдопедагогика категорически опровергает попытку отождествле-

ния слепоглухоты от рождения с утратой зрения и слуха даже в самом раннем возрасте (она показывает, что результаты развития ребенка будут тут существенно различными).

Пущаев ставит прямо вопрос: скрывалось ли то, что они не были слепыми и глухими от рождения? И отвечает: «В каком-то смысле, на наш взгляд, и да, и нет. Эти сведения в принципе были известны, но чтобы до них добраться, нужно было проявить изрядную дотошность и заинтересованность (как их проявил, например, давний оппонент Э. Ильенкова Д. Дубровский)» [Пущаев 2013б, 126]. Сам он, говорит, тоже верил в «каноническую» версию, пока не познакомился с материалами нашей Конференции 1988 г., которые произвели на него «почти шокирующее впечатление». И тогда он стал выяснять, в чем же суть дела.

Все оказывается просто. С одной стороны, Ильенков стремился с помощью Загорского эксперимента доказать истинность положений марксистской теории формирования личности, как об этом уже говорилось выше, а, с другой, использовал эти положения для собственной, весьма произвольной интерпретации фактов (искажения их) с позиций этих марксистских положений. Этот «круг в доказательстве», собственно, и демонстрирует нам Пущаев. «На наш взгляд, – пишет он, – идея авторов “канонической версии” насчет равнозначности слепоглухоты врожденной и наступившей в раннем возрасте имеет свои истоки в марксистской философии, в ее духе и общих идеях» [Пущаев 2013б, 127], постольку эти идеи не вызывают сомнения и служат опорой для Загорского эксперимента. «Другой фактор, который повлиял на то, что они закрыли глаза на отсутствие тотальной слепоты с рождения у своих воспитанников, заключался в том, что они очень хотели верить в то, во что верили. И тут мы, возможно, имеем дело со своего рода революционным нетерпением, которое внушало, что новый мир и новый человек – вот они, уже совсем рядом. Это психологически подталкивало к тому, чтобы не видеть какие-то огрехи в собственной концепции, закрывать на них глаза» [Пущаев 2013б, 128]. Что тут скажешь! Человек видит то, что хочет видеть, а чего не хочет, не видит. Очень хочет верить, и верит, а когда очень не хочет, не верит. Обычное дело. Но причем здесь наука, эксперимент и теория?

И вот, наконец, заключительный вердикт: «Действительная, фактическая сторона Загорского эксперимента не соответствует тому, как она излагалась авторами “канонической версии”»

[Пущаев 2013б, 133]. Однако, считает Пущаев, «сознательной фальсификации авторы “канонической версии” не допускали, поскольку устраняли это несоответствие фактических данных своим теоретическим построениям при помощи ad hoc гипотезы», которая «органично вытекает из марксистской философии» [Пущаев 2013б, 133]. А потому «мы можем в данном случае говорить об ошибочности их построений, но не о “злом умысле” и сознательной фальсификации с их стороны» [Пущаев 2013б, 133–134].

Задачу адвоката Пущаев выполнил добросовестно. Он доказал, что не было «злого умысла», сполна использовал для оправдания мотив «благого намерения», но это вряд ли может смягчить участь его подзащитных, ибо само намерение скрыть и переиначить решающие факты имело место. Это делалось сознательно. Такое действие называют не ошибкой, а фальсификацией.

Пущаев слишком снисходителен в своих оценках. Чтобы убедиться в этом достаточно внимательно прочесть доклад С.А. Сироткина и Э.К. Шакиновой на конференции, где все представлено по местам без излишней дипломатии. Замечу, что этот доклад был полностью одобрен директором Института дефектологии Академии педагогических наук В.И. Лубовским. Он подчеркнул, что доклад отражает содержание недавно опубликованной в журнале «Дефектология» статьи докладчиков [Сироткин, Шакинова, 1988], «основные положения которой разделяет не только редколлегия журнала, но и коллектив ученых нашего Института» [Слепоглухонемота, 1989, 75].

Я хочу обратить внимание на те места доклада и ответов С.А. Сироткина на вопросы, которые обошел вниманием Пущаев. Он писал в своей статье, что Ильенков, говоря о слепоглухих от рождения якобы нигде не упоминал имена четверых своих подопечных. Но ведь уже приводилось то место из его статьи в журнале «Коммунист», где это было сделано: все названы поименно. Однако чтобы поставить точку в этом вопросе, я приведу выдержки из интервью Ильенкова газете «Огни Алатау» от 15 ноября 1977 г. под названием «Право на творчество», которое воспроизведено в докладе: «В том, что способности, талант можно развить у каждого человека меня окончательно убедил Загорский эксперимент, имеющий мировое (!) звучание. Вы, конечно, знаете суть эксперимента, позволяющего как в замедленной киносъемке проследить узловыe этапы становления человеческой личности, сознания, самосознания, воли, эмоционального строя и нрав-

ственных начал... Четверо ребят только что защитили дипломы на психологическом факультете МГУ. Они выросли на моих глазах. Я видел, как свершилось педагогическое чудо рождения души и становления таланта. Это потрясающие факты. Те, кто были *отгорожены от мира непроницаемой стеной слепоглухоты, не имели ни психики, ни самосознания*, стали высокообразованными, талантливыми людьми» [Цит. по: Слепоглухонемота 1989, 102. Выделено мной. – Д. Д.].

Оказывается, у С.А. Сироткина, А.В. Суворова и остальных до Загорского эксперимента не было «ни психики, ни самосознания»? По словам С.А. Сироткина, в концепции Ильенкова «слепоглухой предстает «*tabula rasa*», на которой пишет всеильная рука педагога» [Слепоглухонемота 1988, 93]. Приведя множество фактов фальсификаций из благих побуждений, докладчики говорят: «К сожалению, “святая ложь”, “ложь во спасение” неизбежно перерастает в настоящую ложь со всеми негативными для слепоглухих последствиями» [Слепоглухонемота 1989, 102].

Э.В. Ильенков не только переиначивал факты, скрывал правду, но *и активно боролся за сохранение этой неправды*. Вот слова С.А. Сироткина: «У нас с Эвальдом Васильевичем был тяжелый конфликт, и это свидетельствует о том, что он сознательно скрывал определенные факты во имя чистоты концепции и Эксперимента» [Слепоглухонемота 1989, 26].

Эти «определенные факты», о которых затем подробно рассказывает С.А. Сироткин, являются решающими: они не оставляют камня на камне от концепции Загорского эксперимента Ильенкова. Это давно и многократно публично представленные факты, что никто из замечательной четверки не был слепоглухим от рождения, и особенно факты о том, что у них были остатки зрения и слуха. Пожалуй, главным подтверждением того, что здесь была не ошибка, как считает Пущаев, а сознательная фальсификация служит то, что Ильенков не просто скрывал эти факты и активно боролся за их сокрытие, но и принуждал к этому своих учеников. Об этом тоже подробно рассказано в докладе и в ответах на вопросы. На этом стоит остановиться подробнее.

Конфликт начался с попыток Ильенкова запретить Александру Суворову самостоятельное передвижение по городу, самостоятельные поездки из Загорска в Москву и обратно. Это наглядно и вопиюще противоречило его концепции. «Однако одновременно с этой причиной, – говорится в докладе, – появилась другая, более

серьезная и принципиальная, углубившая конфликт: была опубликована небольшая публицистическая повесть “Выход в мир” (Простор, 1977. № 7. С. 106–127), в которой Э.К. Шакинова (тогда Сериккалиева) рассказала о знакомстве с “четверкой” слепоглухих... Именно эта публикация вызвала гнев Эвальда Васильевича и все его последующие действия (гонения на автора, требование к слепоглухим порвать с ней под угрозой расправы, заявления в высшие инстанции). Нелегко было понять причины такого взрыва страстей. А объяснялось все тем, что в повести слепоглухие... представлены видящими и слышащими (слушающими симфоническую музыку, разглядывающими автомобили и т.п.), что принципиально подрывало престиж эксперимента, концепции целенаправленного формирования человеческой психики с “нуля”» [Слепоглухонемота 1989, 97]. «Была нарушена та логика и традиция изложения, интерпретации фактов из жизни и развития слепоглухих, в которой выдержаны все публикации самого Э.В. Ильенкова, его сторонников и по сей день» [Слепоглухонемота 1989, 97–98].

В это время докладчики и А.В. Суворов готовили к печати книгу «Обретешь друзей» (1978). В ней Сироткин и Суворов рассказывали о своей жизни и, в частности, упоминали о том случае, когда, находясь в разных городах, они общались друг с другом по телефону. Читаем далее: «Еще в процессе подготовки книги к выпуску продолжались гонения, попытки ее запретить, постоянно предъявлялись требования к слепоглухим авторам не участвовать в ней. Были угрозы, что они не получат дипломов МГУ, работы по специальности в Москве, будут направлены в Алма-Ату и т.д. и т.п. Естественно, выход книги вызвал новую волну гнева Э.В. Ильенкова и усиление давления на авторов» [Слепоглухонемота 1989, 98].

Теперь должно быть все достаточно ясно, чтобы изменить разговор Пущаева: **не ошибка, а фальсификация!** И об этом надо говорить прямо, без всякой философической политкорректности, – потому, что до сих пор, как мы видели выше, эта фальсификация выдается за истину. Высокая активность сторонников Э.В. Ильенкова в этой области мешает глубокому теоретическому и методологическому осмыслению проблемы слепоглухоты, которая сохраняет значительную актуальность как в нейронаучном, психолого-педагогическом и социальном планах, так и в свете нынешних успехов НБИКС-конвергенции, открывающих возмож-

ности протезирования зрения и слуха, возвращения слепоглухим способности видеть и слышать. Именно развитие медицинских и технологических возможностей возвращения слепоглухим зрения и слуха является сейчас главным стратегическим направлением разработки и решения этой проблемы.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бэкхерст 2010 – *Бэкхерст Д.* Еще раз о «Загадке человеческого я» // Вопросы философии. 2010. № 8. С. 88–96.

Бэкхерст 2013 – *Бэкхерст Д.* Психика, мозг и образование // Вопросы философии. 2013. № 11. С. 50–65.

Губанов, Губанов 2016 – *Губанов Н.И., Губанов Н.Н.* Ментальное и физическое пространство. – М.: Этносоциум, 2016.

Губанов, Губанов 2017 – *Губанов Н.И., Губанов Н.Н.* Критический анализ концепций персонализма и расширенной психики // Философские науки. 2017. № 12. С. 88–106.

Дубинин 1980 – *Дубинин Н.П.* Наследование биологическое и социальное // Коммунист. 1980. № 11. С. 62–74.

Дубровский 1968 – *Дубровский Д.И.* Мозг и психика (О необоснованности философского отрицания психофизиологической проблемы) // Вопросы философии. 1968. № 8. С. 125–135.

Дубровский 1969 – *Дубровский Д.И.* По поводу статьи Э.В. Ильенкова «Психика и мозг» // Вопросы философии. 1969. № 3.

Дубровский 1971 – *Дубровский Д.И.* Психические явления и мозг: философский анализ проблемы в связи с некоторыми актуальными задачами психологии, нейрофизиологии и кибернетики. – М.: Наука, 1971.

Ильенков 1968 – *Ильенков Э.В.* Психика и мозг (ответ Д.И. Дубровскому) // Вопросы философии. 1968. № 11. С. 145–155.

Ильенков 1977 – *Ильенков Э.В.* Становление личности: к итогам научного эксперимента // Коммунист. 1977. № 2.

Ильенков 1991 – *Ильенков Э.В.* Откуда берется ум? // *Ильенков Э.В.* Философия и культура. – М., 1991.

Лобастов 2015 – *Лобастов Г.В.* Э.В. Ильенков: философия и педагогика // Вопросы философии. 2015. № 3. С. 83–92.

Плеханов 2007 – *Плеханов И.А.* Д.И. Дубровский и Э.В. Ильенков: неоконченный спор о природе психики и идеальном // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2007. № 1 (6). С. 153–162.

Пущаев 2013а – *Пущаев Ю.В.* История и теория Загорского эксперимента. Начало (1) // Вопросы философии. 2013. № 3. С. 132–147.

Пущаев 2013б – *Пущаев Ю.В.* История и теория Загорского эксперимента. Была ли фальсификация? (2) // Вопросы философии. 2013. № 9. С. 124–134.

Рамачандран 2014 – *Рамачандран В.С.* Мозг рассказывает. Что делает нас людьми. – М.: Карьера Пресс, 2014.

Сироткин, Шакенова 1988 – *Сироткин С.А., Шакенова Э.К.* О концепции «искусственного формирования» человеческой психики в тифлосурдопедагогике // Дефектология. 1988. № 1. С. 16–22.

Слепоглухонемота 1989 – Слепоглухонемота: исторические и методологические аспекты. Мифы и реальность. – М., 1989.

Чтения 2016 – Материалы XVIII международной научной конференции «Ильенковские чтения». Белгород, 28–29 апреля 2016 г. – Белгород, 2016.

Эфроимсон 2004 – *Эфроимсон В.П.* Генетика этики и эстетики. – М.: Тайдекс Ко, 2004.

**THE PHENOMENON OF DEAFBLINDNESS.
ONCE AGAIN ABOUT THE ZAGORSK EXPERIMENT
(on the Facts of Falsification, Its Defenders
and on the Actualization of the Problem)**

D.I. DUBROVSKY

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Summary

The article discusses the historical and methodological aspects of the «Zagorsk experiment». In the late 70-ies of the last century E.V. Ilyenkov, his supporters and also mass media and the authorities called him «an outstanding achievement of Soviet science of the world level»: four deafblind from birth, deprived of the psyche and consciousness, thanks to the Marxist methods of education were able to graduate from the psychology department of Moscow State University. Based on this concept E.V. Ilyenkov stated about the formation of the person starting from «mental zero», as a purely social education, in which genetic factors play no role. However, it soon became clear that all four have lost sight and hearing in a rather late age, having already developed consciousness and well-formed speech. Moreover, the two of them had residual vision, and two other had remnants of hearing. These crucial facts refuted the concept of E.V. Ilyenkov, however, it was hidden by him and his supporters because the concept found support from official bodies. During perestroika this fraud was publicly exposed. However, still in numerous philosophical publications of the supporters of E.V. Ilyenkov the falsehood is silenced and the Zagorsky experiment extolled as an outstanding achievement of science. The article critically discusses these publications in the context of analysis of the social-biosocial problems, which became particularly acute in the context of global environmental cri-

sis. The article shows the inconsistency of the concept of E.V. Ilyenkov. It is emphasized that in the face of rising technological capabilities of prosthetics vision and hearing the development of new methodological, pedagogical and psychological approaches to the solution of problems of social rehabilitation of deafblind becomes necessary.

Keywords: deafblindness, Zagorsky experiment, the formation of personality, the concept of E.V. Ilyenkov, falsification of facts, the psyche, genetic factors, biosocial issue, prosthetics vision and hearing.

Dubrovsky, David – D.Sc. in Philosophy, Professor, Main Research Fellow at the Department of the Epistemology, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

ddi29@mail.ru

Citation: DUBROVSKY D.I. (2018) The Phenomenon of Deafblindness. Once Again about the Zagorsk Experiment (on the Facts of Falsification, Its Defenders and on the Actualization of the Problem). In: *Philosophical Sciences*. 2018. Vol. 1, pp. 89-117. DOI: 10.30727/0235-1188-2018-1-89-117.

REFERENCES

Bakhurst D. (2010) Once More about “the Mystery of the Human I” (Russian Translation in: *Voprosy Filosofii*. 2010. Vol. 8, pp. 88-96).

Bakhurst D. (2013) Mind, Brain and Education (Russian Translation in: *Voprosy Filosofii*. 2013. Vol. 11, pp. 50-65).

Gubanov N.I., Gubanov N.N. (2016) *Mental and Physical Space*. Ethno-society, Moscow (in Russian).

Gubanov N.I., Gubanov N.N. (2017) Critical Analysis of the Concepts of Personalism and Expanded Psyche. In: *Philosophical Sciences*. 2017. Vol. 12, pp. 88-106.

Dubin N.P. (1980) Biological and Social Inheritance. In: *Kommunist*. 1980. Vol. 11, pp. 62-74 (in Russian).

Dubrovsky D.I., ed. (1989) *Deafblindness: Historical and Methodological Aspects. Myths and Reality*. Moscow (in Russian).

Dubrovsky D.I. (1971) *Psychic Phenomena and the Brain: Philosophical Analysis of Problems in Connection with Certain Topical Problems of Psychology, Neurophysiology, and Cybernetics*. Nauka, Moscow (in Russian).

Dubrovsky D.I. (1968) Brain and Mind (On the Unreasonableness of the Philosophical Negation of the Psychophysiological Problem). In: *Voprosy Filosofii*. 1968. Vol. 8, pp. 125-135 (in Russian).

Dubrovskiy D.I. (1969) About the Article by E.V. Ilyenkov «Mind and Brain». In: *Voprosy Filosofii*. 1969. Vol. 3, pp. 142-147 (in Russian).

Efroimson V.P. (2004) *Genetics of Ethics and Aesthetics*. Tidex Co., Moscow (in Russian).

Д.И. ДУБРОВСКИЙ. Феномен слепоглухоты. Еще раз о Загорском эксперименте...

Ilyenkov E.V. (1968) The Mind and the Brain (Response to D. Dubrovsky). In: *Voprosy Filosofii*. 1968. Vol. 11, pp. 145-155 (in Russian).

Ilyenkov E.V. (1977) The Formation of Personality: the Results of a Scientific Experiment. In: *Kommunist*. 1977. Vol. 2 (in Russian).

Ilyenkov E.V. (1991) What is the Origin of the Mind? In: Ilyenkov E.V. *Philosophy and Culture*. Moscow (in Russian).

Lobastov G.V. (2015) E.V. Ilyenkov: Philosophy and Pedagogics. In: *Voprosy Filosofii*. 2015. Vol. 3, pp. 83-92 (in Russian).

Plekhanov I.A. (2007) D.I. Dubrovsky and E.V. Ilyenkov: an Unfinished Debate about the Nature of the Psyche and the Ideal. In: *Bulletin of the N. Lobachevsky University of Nizhny Novgorod*. 2007. № 1 (6), pp. 153-162 (in Russian).

Proceedings of the 18th International Scientific Conference «Ilyenkov Readings». Belgorod, 28-29 April 2016. Belgorod (in Russian).

Puschaev Yu.V. (2013) History and Theory of the Zagorsk Experiment. Beginning (1). In: *Voprosy Filosofii*. 2013. Vol. 3, pp. 132-147 (in Russian).

Puschaev Yu.V. (2013) History and Theory of the Zagorsk Experiment. Was there falsification? (2) In: *Voprosy Filosofii*. 2013. Vol. 9, pp. 124-134 (in Russian).

Ramachandran V.S. (2010) The Tell-Tale Brain: A Neuroscientist's Quest for What Makes Us Human (Russian Translation: Career Press, Moscow, 2014).

Sirotkin S.A., Shakenova E.K. (1988) About the Concept of «Artificial Formation» of the Human Psyche in Tiflorsurdopedagogy. In: *Defectology*. 1988. Vol. 1, pp. 16-22 (in Russian).